

РИСУНКИ
А. ЯКОБСОН

К СКАЗКЕ С. АКСАКОВА

«Аленький
цветочек»

Александра Николаевна ВЕОСОН
Рисунки к сказке С. Т. Аксакова
«Аленький цветочек»

Выдается по изданию: "С. Т. Аксаков. Собр. соч., в 4-х т. Т. 1. М., Госиздатгиз, 1955."

Редактор и автор оформления
И. С. Серов.

Автор вступительной статьи
Э. Б. Милкина.

Художественно-технический редактор
В. П. Веселова.

Технический сверстка Э. Б. Милкина.

Корректор Э. Е. Ротманская.

Подписано и печатано 29/IX-1956 г.
Формат 64х90 1/8.
Печ. л. 2,33. Уг.-крас. л. 1,513.

Печ. пр-м л. 1,50.
Тираж 500 000 экз. (1—150 000 экз. № 239 240. Заказ № 209).

Цена 23 коп.
Издательство «Художники РСФСР».
Ленинград, ул. Дзержинский, д. 2/3.
Комбинат печати имени Маяковского.
Москва, Казань, ул. Баумана, 3.

РИСУНКИ
А. ЯКОБСОН

К СКАЗКЕ
С. АКСАКОВА

«Аленький
цветочек»

„ХУДОЖНИК РСФСР“
ЛЕНИНГРАД • 1969

В некиим царстве, в некиим государстве жил-был богатый купец, именитый человек. Много у него было всякого богатства, дорогих товаров заморских, жемчугу, драгоценных каменнєв, золотой и серебряной казны...

... и было у того купца три дочери, все три красавицы писанные, а меньшая лучше всех; и любил он дочерей своих больше всего своего богатства, жемчугов, драгоценных камней, золотой и серебряной казны... любил он старших дочерей, а меньшую дочь любил больше, потому что она была собой лучше всех и к нему ласковее. Вот и собирается тот купец по своим торговым делам за море... и говорит он своим любезным дочерям: „Дочери мои милые, дочери мои хорошие, дочери мои

пригоние, еду я по своим купецким делам за тридевять земель, в тридевятое царство, тридесятое государство... и наказываю я вам жить без меня честно и смиренно, и коли вы будете жить без меня честно и смиренно, то привезу вам такие гостинцы, каких вы сами похотите, и даю я вам срок думать на три дня, и тогда вы мне скажете, каких гостинцев вам хочется¹¹.

Думали они три дня и три ночи и пришли к своему родителю, и стал он их спрашивать, каких гостинцев желают. Старшая дочь поклонилась отцу в ноги, да и говорит ему первая: „Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни мехов черного соболя, ни жемчуга бурмицкого, а привези ты мне золотой венец из камней самоцветных, и чтоб был от них такой свет, как от месяца полного, как от солнца красного, и чтоб было от него светло в темную ночь, как среди дня белого“. Честной купец призадумался и сказал потом: „Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, привезу я тебе таковой венец...“

Поклонилась ему в ноги дочь середняя и говорит: „Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных мехов соболя сибирского, ни ожерелья жемчуга бурмицкого, ни золота венца самоцветного, а привези ты мне туалет из хрусталу восточного, цельного, беспорочного, чтобы, глядя в него, видела я всю красоту поднебную и чтоб, смотря в него, я не старилась и красота б моя девичья прибавлялась“. Призадумался честной купец и, подумав мало ли, много ли времени, говорит ей таковые слова: „Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебе таковой хрустальный туалет...“

Поклонилась в ноги отцу меньшая дочь и говорит таково слово: „Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне *аленький цветочек*, которого бы не было краше на белом свете“. Призадумался честной купец крепче прежнего... надумавшись, он целует, ласкает, приголубливает свою меньшую дочь любимую и говорит таковые слова: „...Аленький цветочек не хитро найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете? Буду стараться, а на гостинце не взыщи“.

Стал он собираться в
путь, во дороженьку,
в дальние края замор-
ские... Поехал он в
путь, во дороженьку.

Вот ездит честной купец по чужим сторонам заморским, по королевствам невиданным... Отыскал он заветный гостинец для своей старшей дочери: венец с камнями самоцветными, а от них светло в темную ночь, как бы в белый день. Отыскал заветный гостинец и для своей средней дочери: туалет хрустальный, а в нем видна вся красота поднебесная, и, смотрясь в него, девичья красота не стареется, а прибавляется. Не может он только найти заветного гостинца для меньшей, любимой дочери, аленького цветочка, краше которого не было бы на белом свете.

Вот едет он путем-дорогою... и откуда ни возьмись налетели на него разбойники, бусурманские, турецкие да индейские, нехристи поганые, и увидя беду неминуемую, бросает честной купец свои караваны богатые... и бежит в темны леса.

Бродит он по тому лесу
дремучему, непроездно-
му, непроходному... и
стал видеть впереди
будто зарево... Чем
дальше идет, тем свет-
лее становится... Вы-
ходит он под конец на
поляну широкую, и по-
среде той поляны широ-
кая стоит... дворец ко-
ролевский или царский
весь в огне, в серебре
и золоте и в камнях
самоцветных, весь го-
рит и светит...

Входит он во дворец... и вырос перед ним стол, убранный, разубранный:
в посуде золотой да серебряной яства стоят сахарные, и вина заморские,
и питья медвяные... кушанье такое, что и сказать нельзя...

Вот видит он в окна растворенные, что кругом дворца разведены сады диковинные, плодовые и цветы цветут красоты неописанной. Захотелось ему по тем садам прогуляться.

... Гуляет он и любитесь; на деревьях висят плоды спелые, румяные... цветы цветут распрекрасные, махровые, пахучие, всякими красками расписанные... И вдруг видит он на пригорочке зеленым цветет цветок цвету алого, красоты невиданной и неслыханной, ни в сказке сказать, ни пером написать.

...подходит он ко тому цветку, запах от цветка по всему саду, ровно струя бежит; затряслись и руки и ноги у купца, и возговорил он голосом радостным: „Вот аленький цветочек, какого нет краше на белом свете, о каком просила меня дочь меньшая, любимая“. И, проговорив таковы слова, он подошел и сорвал аленький цветочек. В той же минуте... вырос

как будто из земли, перед купцом: зверь не зверь, человек не человек, а так какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревел он голосом дикиим: „Что ты сделал? Как ты посмел сорвать в моем саду мой заповедный, любимый цветок?... умереть тебе за свою вину смертью безвременною...“⁴

У честного купца от страха зуб на зуб не приходил... Он упал на колени... и возговорил голосом жалобным: „...Ты прости мне, неразумному и глупому, отпусти меня к моим дочерям родимым и подари мне цветочек аленький для гостинца моей меньшей, любимой дочери. Заплачу я тебе казны золотой, что потребуешь“. Раздался по лесу хохот, словно гром загремел, и возговорил купцу зверь лесной, чудо морское: „Не надо мне твоей золотой казны: мне своей девать некуда... Я отпущу тебя домой невердимого, награжу казной несчетною, подарю цветочек аленький, коли дашь ты мне слово честное... что пришлешь заместо себя одну из дочерей своих... А как приехать ко мне — не твоя беда; дам я тебе перстень с руки моей: кто наденет его на правый мизинец, тот очутится там, где пожелает, во единое ока мгновение!“...

И только честной купец успел надеть его на правый мизинец, как очутился он в воротах своего широкого двора; в ту пору в те же ворота въезжали его караваны богатые с прислугою верною, и привезли они казны и товаров втрое противу прежнего... Приказал он принести сундуки дорожные, железом окованные; доставал он старшей дочери золотой венец... достает гостинец средней дочери, тувалет хрустально восточного; достает гостинец меньшей дочери, золотой нувшин с цветочком аленьким.

Тогда сели все они за столы дубовые, за скатерти бранные, за яства сахарные, за пития медвяные; стали есть, пить, прохландатися, ласковыми речами утешатися. Ввечеру гости понаехали... и таков был вечерний пир, каного честной купец у себя в дому не видывал, и откуда что бралось, не мог догадаться он, да и все тому дивовалися: и посуды золотой-серебряной, и кушаньев диновинных, каких никогда в дому не видывали.

... пришла пора расставаться
честному купцу, расставаться
с дочерью меньшею, любимую...
Вынимает он перстень зверя
лесного, чуда морского из ларца
кованого, надевает перстень на
правый мизинец меньшею, люби-
мой дочери — и не стало ее
в то же м минутку...

Очутилась она во дворце зве-
ря лесного...

... взяла она из кувшина золоченого любимый цветочек аленький, сошла она в зелены сады, и запели ей птицы свои песни райские, а деревья, кусты и цветы замахали своими верхушками, и ровно перед ней преклонились... Походив время немалое, почитай вплоть до вечера, воротилась она во свои палаты высокие и видит она: стол накрыт, и на столе яства стоят сахарные и питья медвяные, и все отменные.

Так и стала жить и поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная... Вот одна и привидилось во сне молодой купецкой дочери, красавице писаной, что батюшка ее нездоров лежит; и напала на нее тоска неусыпная, и увидел ее в той тоске и слезах зверь лесной, чудо морское... и возговорит к ней зверь лесной, чудо морское: "...Золот перстень мой у тебя лежит, надень его на правый мизинец и очутишься в доме у батюшки родимого... и только я скажу тебе: коли ты ровно через три дня и три ночи не воротишься, то не будет меня на белом свете..." День проходит как единый час, другой день проходит как минуточка, а на третий день стали уговаривать меньшую сестру сестры старшие, чтоб не ворочалась она к зверю лесному, чуду морскому... и задумали они дело хитрое, дело хитрое и недоброе: взяли они да все часы в доме целым часом назад поставили... когда пришел настоящий час, стало у молодой купецкой дочери, красавицы писаной, сердце болеть и щемить... надела золот перстень на правый мизинец и очутилась во дворце белокаменном... обежала она палаты высокие и сады зеленые...

...побежала она на пригорок муравчатый, где рос, красовался ее любимый
цветочек аленький, и видит она, что лесной зверь, чудо морское, лежит
на пригорке, обхватив аленький цветочек своими лапами безобразными...
бездыханен, мертв лежит...

... очнувшись, видит она себя во палате высокой, беломраморной, сидит она на золотом престоле со камнями драгоценными, и обнимает ее принц молодой, красавец писанный, на голове со короною царскою, в одежде златокованной... и возговорит к ней молодой принц, красавец писанный, на голове со короною царскою: „Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, в образе чудища безобразного, за мою добрую душу и любовь к тебе... Злая волшебница... оборотила меня в чудище страшное и наложила таковое заклятие, чтобы жить мне в таком виде безобразном, противном и страшном для всякого человека... пока найдется красная девица...

и полюбит меня в образе страшилища, и пожелает быть моей женой законою, и тогда колдовство все покончится, и стану я опять попрежнему человеком молодым и пригожим... Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угождения, за мою душу добрую, за любовь мою и тебе несказанную, и будешь ты за то женою короля славного, королевую в царстве могучем".

Александра Николаевна Якобсон родилась в 1903 году в Иркутске. Детство ее прошло в глухих таежных шахтерских поселках Забайкалья: отцу будущей художницы — сосланному в Сибирь народовольцу — было запрещено жить в городах. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции семья смогла поселиться в Иркутске. Здесь с 1920 года Якобсон начала заниматься в художественной мастерской И. Л. Копылова — живописца, учившегося ранее в Париже вместе с К. С. Петровым-Водкиным, своеобразным, интересным русским художником.

Четырехлетние занятия в студии дали Якобсон знания и навыки, необходимые для поступления в Академию художеств. В 1926 году Якобсон приехала в Ленинград и была принята во ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), как называлась тогда реорганизованная Академия художеств. Здесь на протяжении пяти лет она училась у замечательных художников А. А. Рылова и К. С. Петрова-Водкина.

Еще будучи студенткой, Якобсон начала свой самостоятельный творческий путь: с 1926 года она стала работать в художественной редакции Детгиза, возглавляемой замечательным мастером детской книги В. В. Лебедевым. В Детгизе Якобсон познакомилась с группой художников — энтузиастов и новаторов, оказавших несомненное влияние на творческое формирование молодой художницы. Это были В. М. Конашевич, Н. А. Тырса и Н. Ф. Лапшин. Почти одновременно с Якобсон в Детгиз пришел Е. И. Чарушин, А. Ф. Пахомов и Ю. М. Васнецов — ныне заслуженные мастера советской графики.

Наряду с тем влиянием, которое оказало на Якобсон творчество ее товарищей и современников, громадное воздействие на ее мировоззрение и художественный почерк имело русское народное искусство и наследие А. Г. Венецианова — выдающегося живописца-реалиста 1-й половины XIX века, впервые в отечественном искусстве правдиво, с большой теплотой и симпатией показавшего русских крестьян, создавшего образы чистые, гармоничные и величавые в своей простоте. Художнице родственно венециановское понимание красоты русского человека — скромного и простого, наделенного сознанием высокого человеческого достоинства; ее неизменно привлекают типы русских женщин, их своеобразная грация, плавно и неторопливо движущихся, их милые, спокойные приветливые лица.

На протяжении многих лет художница изучает народный быт, любовно собирает произведения русского народного искусства, в частности старинные вышивки, мотивы которых она искусно, с тонким вкусом воссоздает и развивает в своих работах — книжным оформлением и собственными вышивками. В 1944 году Якобсон участвовала в этнографической экспедиции, собиравшей русские сказки и песни XVI—XX веков, и сделала множество интересных зарисовок народной домашней утвари, а также пылливо изучала типы жителей русского Севера.

Не случайно изблуженный жанр Якобсон — иллюстрация к народным сказкам. Здесь самобытное дарование художницы раскрывается наиболее полно и ярко. „Спящая царевна“ В. А. Жуковского и „Ашин-Кериб“ М. Ю. Лермонтова, „Малахитовая шкатулка“ П. И. Бажова и

„Зимняя сказка“ Э. Топелиуса, русские народные сказки и сказки народов СССР привлекали художницу, создавшую яркие, декоративные, фантастические и одновременно основанные на наблюдении реальной действительности иллюстрации, отмеченные таким острым своеобразием, что их невозможно спутать с работами других мастеров книжной графики.

Якобсон обращалась и к литературе иного жанра. Она выполнила серии иллюстраций к „Повестям Белкина“ и „Маленьким трагедиям“ А. С. Пушкина, к „Двум капитанам“ В. А. Каверина и „Угрюм-реке“ В. Я. Шишкова — роману, глубине понять который художнице помогли впечатления детства. Крупный советский писатель В. Я. Шишков высоко ценил рисунки Якобсон к его монументальному роману.

Однако излюбленной темой Якобсон была и остается русская народная сказка, в частности „Аленький цветочек“ С. Т. Аксакова, над которым художница с большой любовью работает не один год.

Впервые опубликованная в 1858 году, эта поэтическая сказка вот уже более ста лет любима детьми и памятна взрослым. Аксаков, услышавший эту сказку в детстве и много лет спустя записавший ее по памяти, бережно сохранил неуловимую прелесть народных интонаций, строй образов, рожденных народной фантазией, поэтический сюжет и гуманную идею легенды.

Изобразительный язык иллюстраций Якобсон удивительно близок духу аксаковской сказки. Якобсон любовно поэтизирует героев, дает им своеобразные, порой очень меткие характеристики, свидетельствующие о тонкой наблюдательности художницы.

В иллюстрациях Якобсон мир, окружающий персонажи сказок, фантастически прекрасен и одновременно совершенно реален. Здесь и постройки, напоминающие памятники древнерусского деревянного зодчества, и старинные кованые сундуки, украшенные чеканкой, и большие часы в деревянном резном футляре, какие можно было встретить в провинции еще в прошлом веке. Да и сам аленький цветочек — не какое-то невиданное роскошное экзотическое растение, а простой приветливо алеющий среди зелени цветок.

Прилежно следуя за повествованием, художница иллюстрирует все более или менее значительные эпизоды, так что читатель, перелистывая книгу, на основании одних только рисунков может составить верное и полное представление о содержании сказки, познакомиться со всей ее сюжетной линией.

Выполненные акварелью, иллюстрации к „Аленькому цветочку“ изобретательны по композиции и гармоничны по цвету. Тонко декоративны заставки-натюрморты, изображающие „яства сахарные, пития медвяные, каких никогда не видавали“.

Якобсон, работающая на протяжении многих лет преимущественно как иллюстратор и оформитель книги, является в то же время мастером станковой графики, автором искренних и поэтических акварелей, лирических и низнерадостных эстампов.